

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск IV

СМОЛЕНСКИЕ ВОЙНЫ XV-XVII ВВ.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

2015

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_4>

© www.milhist.info

© Молочников А.М.

MILHIST

INFO

Молочников А.М. Военная и политическая организация смоленской городской общины в 1609-1611 гг.

В статье описывается военная организация посадского населения Смоленска в годы обороны города (1609-1611 гг.). Рассматривается предыстория создания смоленского городского ополчения, его вооружение, участие в боевых действиях.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/12/17/molochnikov_5

Ссылка для печатных изданий:

Молочников А.М. Военная и политическая организация смоленской городской общины в 1609-1611 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. – С. 182-203 <http://www.milhist.info/2015/12/17/molochnikov_5> (17.12.2015)

www.milhist.info

2015

А.М. Молочников

ВОЕННАЯ

И

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ

СМОЛЕНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩИНЫ

В 1609–1611 ГГ.

Изучение военной организации городской общины при обороне Смоленска в Смутное время играет важную роль в исследовании хода данных исторических событий. В 1609–1611 гг. решающий вклад в дело осажденного сидения вносит не служилое, а тяглое население, простые смоленские горожане, которых в источниках того времени называют посадскими людьми. Именно они составляли основу гарнизона, оборонявшего крепость от польско-литовского войска.

Это отмечали еще наблюдатели из осаждающей армии. Так, в письме походного капеллана Якуба Задзика от 3 июля 1610 г. содержатся следующие показания перебежчика: «*О людях он говорил так: стрельцов нет и 500, бояр 200, посадских людей, которые *ostinatissimi* 2000, черни до 1000, но та постоянно умирает, чернецов и попов до 300*»¹. Под «*черню*» Задзик подразумевал крестьян и холопов, которые не входили в число горожан. Для собственно посадских он подобрал латинский эпитет *ostinatissimi*, который можно перевести как «упорнейшие», «самые несгибаемые». Далее Задзик приводит показания того же перебежчика о том, что именно горожане, а не дворяне и стрельцы выступали против капитуляции: «*Как тот говорит, что все скорее умрут, чем сдадутся, хотя на спасение малую надежду имеют*»². Похожие сведения о численности войска и о настроениях горожан неоднократно встречаются в королевском дневнике осады и в других письмах того же Задзика³. Также и в русских повестях защитники Смоленска часто именуются «*гражданами*»⁴, то есть горожанами.

Исследователи смоленской обороны, конечно же, уделяют много внимания городскому ополчению. В.П. Мальцев одним из первых утверждает, что оно составляло основу смоленского гарнизона, и отмечает значительное влияние совета из посадских людей на управление делами города во время обороны. В своей работе 1940 г. автор открыто противопоставляет классовые интересы посадского населения и дворянства⁵. Однако в новой книге С. В. Александрова выводы Мальцева об особом значении горожан в годы обороны ставятся под сомнение из-за своей конъюнктурности⁶. Тем не менее, следует признать, что позиция В.П. Мальцева во многом соотносится с данными прямых источников, свидетельствующих о реальном положении дел при смоленской обороне.

Об идейных настроениях в среде смоленских горожан мы можем судить из польских источников, процитированных выше. В основном это пересказы показаний перебежчиков из писем Задзика или из королевского походного дневника. О внутренней организации городского ополчения свидетельствуют исторические акты, которые были вывезены в Польшу после взятия смоленской крепости в 1611 г. Во время польско-шведской войны 1656–58 гг. эти документы оказались в Швеции и затем хранились в Ску-Клостерском замке братьев Брагге. Большая их часть была опубликована В.П. Соловьевым и Ю.В. Готьё⁷. Следует уточнить, что, в отличие от обширного Новгородского архива Смутного времени (который также хранился в Швеции), смоленские акты представляют только два фондообразования: воеводскую канцелярию и небольшое количество частных писем. Свидетельства других учреждений после взятия крепости не сохранились, были утеряны и документы земской избы (выборного органа городского самоуправления), поэтому сведения о военной и политической организации горожан приходится черпать из воеводских указов и донесений.

Политическая организация смоленской городской общины

Рассмотрим, как укреплялось влияние посадской общины на дела города ещё до начала обороны. В XVI веке в России сложились институты городского самоуправления. В Смутное время им отводится особая роль в связи с ослаблением центральной власти. Смоленск

впервые оказался отрезан от столицы во время восстания Болотникова в 1606 г. Тогда Москва оказалась в осаде, а соседние со Смоленском города — Вязьма, Дорогобуж и Можайск — покорились восставшим. Однако смоленские служилые люди смогли организовать поход против мятежников, очистили города по дороге к Москве и приняли участие в боях за столицу. И хотя воевали с Болотниковым смоленские дворяне и стрельцы, походу предшествовал городской совет, в котором участвовали и посадские люди, и даже уездные крестьяне. Во всяком случае, патриарх Гермоген писал в одной из своих грамот, что войско для очищения Москвы прислали «...смоленского города дворяне и дети боярские и всякие служилые и посадские люди и из уезду все православные христиане»⁸. Судя по всему, горожане Смоленска поддержали дворян в организации похода против сторонников «царя Дмитрия», однако, в 1606 г. они не представляли ещё самостоятельной силы.

В дальнейшем влияние посадских людей на городские и уездные дела возросло. Осенью 1608 г. Смоленск снова оказывается во враждебном окружении. На этот раз Москву осадил «тушинский вор» Лжедмитрий II, а окрестные города — Белая, Дорогобуж, Рославль — присягнули новому самозванцу. 30 октября 1608 г. смоленский воевода Михаил Борисович Шеин отправляет дворянско-стрелецкое войско под руководством князя Якова Барятинского и Семена Оударова в новый поход к Москве⁹. Однако смоленские служилые люди захватили ближайший по дороге к столице город Дорогобуж, а затем разъехались по домам. Оказалось, что в Дорогобуж приехал агент Лжедмитрия, «думный дворянин» Иван Зубов, который набрал себе в лагере самозванца сообщников из попавших в плен смолян. Он провел среди смоленского войска агитацию «за царя Дмитрия», после чего «...дворяня и дети боярские и стрельцы и всякие ратные люди издрогли, из Дорогобужа разъехались, воевод князя Якова и Семена покинули»¹⁰. Иван Зубов отправился в Смоленск, а впереди себя с грамотами к архиепископу, воеводам и посадским послал Ивана Бестужева, одного из сообщников. Однако их обоих вместе с остальными сообщниками по дороге арестовали¹¹. Воевода Шеин устроил им допрос «...перед архиепископом Сергием и перед посадскими людьми». В результате этого коллективного допроса было решено посадить в тюрьму Зубова, а остальных смолян отпустить на поруки¹². Поручиками должны были

выступать другие дворяне, следовательно, в Смоленске оставались служилые люди, однако, в качестве допрашивающей стороны по делу Зубова были указаны только воеводы, архиепископ и посадские горожане. Видимо, после разъезда служилых людей из Дорогобужа воевода Шеин решил найти союзников среди тяглого городского населения.

К сожалению, все известные подробности о деле Зубова мы узнаем только из донесения Шеина царю Василию, а жанр такого донесения не предусматривал подробного анализа ситуации и расстановки сил. Сложно сказать, например, насколько широким было представительство горожан во время допроса сообщников Зубова. Фраза «*перед посадскими людьми*» подразумевает, что, по крайней мере, речь шла не только о посадских старостах. Возможно, это было широкое собрание жителей города, а может, речь шла о нескольких «*лучших людях*». Во всяком случае, после подавления «зубовской смуты» влияние посадской общины на смоленские дела значительно возросло. Об этом можно судить из последующих событий.

В феврале 1609 г. воевода Шеин снова отправил дворянско-стрелецкое войско в поход, и снова дворяне разъехались из Дорогобужа и подали коллективную челобитную о том, что «...к Москве без прибавочных людей от воров пройти не мочно»¹³. Смоленские воеводы собрали оставшихся в городе дворян и стрельцов и снова, как гласит донесение, «...перед архиепископом Сергием и перед посадскими людьми посылали их, чтобы они, помня Бога и твое государево крестное целование, шли к тебе к государю к Москве»¹⁴. И опять наряду с властями к служилым людям обращаются посадские горожане. Дворяне «*всем городом*» ответили, «...что им из Смоленска до просухи к Москве идти не мочно»¹⁵, и поход опять отложился до весны 1609 г.

В.П. Мальцев, автор первой книги об обороне Смоленска, высказывает мнение о том, что события зимы 1608–1609 гг. — дело Ивана Зубова и провальные походы на Москву — привели к сближению М.Б. Шеина и посадской общины¹⁶. Для воеводы в союзе с горожанами открывалась возможность укрепить свою власть и противостоять своеволию дворянства. К мнению исследователя вполне можно присоединиться, но при этом следует внести некоторые дополнения. Действительно, события 1608–1609 гг. стали для Смоленска переломным моментом, но горожане и раньше участвовали в общегородском

совете и даже объединялись с дворянами. В.П. Мальцев не обратил внимания на слова Гермогена о единстве горожан и дворян перед походом 1606 г.¹⁷ Как и все историки того времени, В.П. Мальцев преподносил Болотникова как крестьянского вождя, а поход против него смоленских дворян описывал как реакцию помещиков на крестьянское восстание¹⁸. В этой схеме места посадским людям не нашлось. В действительности же, как раз во время восстания Болотникова обозначился общий для всех смолян курс на единство с Москвой и на верность царю Василию Ивановичу Шуйскому.

Для горожан этот курс оставался неизменным и в 1606, и в 1609, и в 1610 гг. В дворянской же среде, как показали дорогобужские походы, уже зимой 1608–1609 гг. обозначились кризис и неверие в успех царя Василия. Неудивительно, что царский воевода М.Б. Шеин начал больше доверять торговым людям и ремесленникам, чем служилым людям. Среди дворян, вероятно, уже тогда появились тайные сторонники третьего кандидата, польского королевича Владислава, как русского царя.

Впрочем, отношение смоленских дворян к самозванцам оставалось прежним; нет оснований подозревать их в симпатии к Лжедмитрию II. После «*просухи*», то есть с наступлением весны, дворяне и стрельцы отправились в третий или четвертый поход и на этот раз успешно освободили Дорогобуж, Вязьму и Белую¹⁹. В июле 1609 г. смоленские служилые люди соединились в городе Торжке с войском князя Михаила Скопина-Шуйского²⁰. После этого смоленский отряд участвовал в боях с поляками и сторонниками Лжедмитрия в составе общерусского ополчения²¹. В результате к походу Скопина Шуйского, который продолжался до 1610 г., присоединилась большая часть смоленских дворян и примерно половина стрельцов. По этой причине осенью 1609 г. в крепости оставалось немного служилых людей (в приведенном отрывке из письма капеллана Задзика численность гарнизона указана верно), а главной военной силой должно было стать городское ополчение.

О роли городской общины в управлении делами Смоленска по-прежнему идут споры. В грамотах из осажденного города есть упоминания, что М.Б. Шеин принимал решения «...*переговоря со смоляны, со всякими людьми*»²². Можно не сомневаться, что воевода Шеин принимал решения не единолично, и что именно горожане были самыми последовательными противниками капитуляции. В.П. Мальцев

полагал, что посадские люди образовали в Смоленске городской совет, которому фактически подчинялась воеводская власть. Именно на этом совете было принято решение о сожжении деревянного города при подходе польско-литовского войска, а также о решительном продолжении обороны²³.

С. В. Александров справедливо указывает, что в грамотах из осажденного города упоминается совет Шеина с представителями всех сословий, а не только горожан, и что нет никаких данных об ограничении воеводской власти органами городского самоуправления²⁴. Воевода по-прежнему отдавал приказы земским старостам и никаких изменений в структуре управления Смоленском в годы обороны не произошло.

Несомненно, что у смоленских горожан с XVI в. система местного самоуправления была организована точно так же, как и во всем государстве. Интересы посадского мира представляли выборные земские старосты, сотские и «лучшие люди» (формальные и неформальные лидеры по выражению В. В. Балыкина)²⁵. Смоленские земские старосты (а возможно, и сотские) были выборными, однако, ежегодная процедура выборов в источниках не прослеживается. Не исключено, что для выборов старост и решения других важных вопросов собирались «все посадские люди»²⁶. Органы местного самоуправления возникли в городах России в ходе реформ 1549–50 гг. и взаимодействовали с воеводской властью в решении городских вопросов (что на примере Пскова показал В. А. Аракчеев²⁷). В годы Смуты влияние выборных старост и «всех посадских людей» несомненно возросло, однако, земские старосты и лучшие люди не получили в годы обороны никакой чрезвычайной власти. Это противоречило бы политическим традициям Московского государства. Воевода Шеин действительно обсуждал важнейшие решения с земским советом, но этот совет был не посадским, а всесословным. На этом совете обязательно присутствовали и дворяне, и стрельцы, и тяглые люди, а также, разумеется, сами смоленские воеводы и дьяки с архиепископом Сергием. В годы обороны в Земском совете, по-видимому, участвовали даточные крестьяне и представители смоленского белого духовенства (те самые «триста попов», которые упомянуты в письме капеллана).

Однако не следует забывать, что в 1609–1611 гг. горожане составляли в Смоленске большинство. К тому же, их обычно поддерживали архиепископ и священнослужители, не говоря уже о воеводах, поэтому даже в случаях колебания со стороны дворян, стрельцов или крестьян, горожане могли отстаивать свою точку зрения на всесословном земском совете. Влияние горожан на политические и военные вопросы особенно заметно проявилось во время подготовки и в первые месяцы обороны.

Военная организация смоленской городской общины

Подготовка обороны началась в середине августа, за месяц до подхода польских войск. Первые указы воеводы Шеина о сборе даточных крестьян со смоленского уезда относятся к 18 и 20 августа 1609 г.²⁸ Документы об организации службы посадских людей относятся к концу августа — началу сентября, но большинство из них не имеют точной даты. Вот эти документы:

1. Единственный датированный документ — роспись гарнизона по воротам и башням крепости от 28 августа 1609 г.²⁹ В этом источнике указана численность горожан, порядок на сотни, а также имена сотенных командиров. Наконец определяется характер основной службы — караул на стене и обслуживание огнестрельных орудий. К этому источнику примыкает роспись артиллерии от 27 августа 1609 г.³⁰
2. Недатированные именные списки ополченцев нескольких сотен с указанием вооружения³¹. Вероятно, эти списки составлялись незадолго до того, как горожане были распределены по стенам, то есть до 28 августа.
3. Расширенная роспись гарнизона по воротам и башням крепости³². Этот недатированный документ совпадает с росписью от 28 августа, однако, в нем предусмотрена служба горожан в «*остроге*», то есть защита деревянных укреплений вокруг крепости. Скорее всего, расширенную роспись составили уже после 28 августа 1609 г., но до 21 сентября 1609 г., когда горожане сожгли острог³³. К этому же источнику примыкает роспись караульной службы в остроге от 13 сентября 1609 г.³⁴

На первом этапе подготовки обороны воеводы проверили численность и «*оружность*» смоленских отрядов. При наборе ратных посадских людей использовался тот же территориальный принцип, что и при сборе налогов, поэтому ополчение делилось по внутригородским

топонимам на девять отрядов: Пятницкий конец, Веденецкая Полусоха, Воровская Полусоха, Крылошевская Полусоха, Вязовеницкая Сотня, Воскресенская Сотня, Городенская Сотня, Загороденская льготная слобода, Смоленский Ям. Территориальные части, в свою очередь, делились на более мелкие отряды-«сотни», во главе с сотниками. Эти сотни были именованными, поскольку возглавляли их самые авторитетные для горожан представители посадской общины. В таком именованном отряде необязательно было 100 человек, численность сотен на стенах крепости представлена в Таблице 1.

Таблица 1.
Количественное распределение посадских людей на стенах крепости по территориальным и именованным отрядам в августе 1609 г.

<i>внутригородские топонимы</i>	<i>именные сотни</i>	<i>кол-во горожан</i>
Городенская Сотня	Данилы Кузьмина	100
	Ивана Возьмина	100
	Ивана Мясника	197
Всего в Городенской Сотне		397
Веденецкая полусоха	Ждана Кушнера	90
	Луки Пушкинова	32
Всего в Веденецкой полусохе		122
Воровская полусоха	Федора Власова	61
	Ивана Хвостова	120
Всего в Воровской полусохе		181
Крылошевская полусоха	Василия Сапожника	79
Всего в Крылошевской полусохе		79
Пятницкий конец	Кондрата Сапожника	121
Всего в Пятницком конце		121
Воскресенская Сотня	Анании Белянинова	104
	Богдана Пашкова	12
	Ждана Прожирина	135
	Самуила Малышкина	50
Всего в Воскресенской Сотне		413
Вязовенковская Сотня	Ленки Кокина	91
	Ивана Шапошникова	132
	Степана Огрызкова	89
Всего в Вязовенковской Сотне		312
Загороденская льготная слобода	Павла Хлебникова	83
Всего в Загороденской льготной слободе		83
Смоленский ям	Ивана Насонова	113
Всего в Смоленском яме		113
Итого		1821

При изучении городского ополчения следует иметь в виду особенность терминологии: «сотней» называли как территориальную единицу, так и именную отряд, поэтому, когда речь идет о территориальном делении, слово «сотня» пишется с заглавной буквы (напр. Городенская Сотня).

Каждая сотня делилась на два пятидесятка по пять десятков в каждом. Как правило, в десятке было 10 или 11 человек, но могли набрать и большее количество. Кроме того, у каждого сотника были помощники — рядовые (от одного до двух)³⁵. Слово «рядовой» для смоленских воинов-ополченцев имело другой смысл, чем в армии новейшего времени. Рядовой был вроде подьячего и исполнял в сотне секретарские функции. Однако рядовые, сотники и младшие командиры, были вооружены также как остальные горожане-ополченцы.

Документы о личном составе и оружии сохранились для трех Воскресенских сотен (Белянинова, Пашкова и Прожирина, частично для Малышкина), для Вязовенковской сотни Ленки Кокина, а также для некоторого количества поповских и монастырских слобожан³⁶. Всего мы можем проследить вооруженность 492 посадских людей. Однако точные статистические данные об оружии смоленского ополчения до сих пор не приводились по причине неисследованности этого вопроса. В работах В. П. Мальцева и С. В. Александрова говорится только о вооруженности горожан огнестрельным оружием — самопалами. В. П. Мальцев исследовал сотню А. С. Белянинова, и, по его словам, городское ополчение было вооружено огнестрельным оружием на 56 %, а холодным — на 44 %³⁷. Однако Мальцев, по-видимому, исследовал даже не отдельный отряд Белянинова, а какую-то выборку из него. В результате получилось, что за ополчением числилось больше огнестрельного оружия. С. В. Александров выразил сомнение в правоте своего предшественника и привел другие данные: *«Из списка всей Воскресенской Сотни, насчитывающего 363 человека, самопалами был вооружен 151 посадский (41,4 %). В Вязовеньковской сотне из 104 человек самопалы имели 25 (24 %). Таким образом, посадские разных сотен были вооружены огнестрельным оружием неравномерно, и вычислить точный процент огнестрельного оружия, находящегося на вооружении всей смоленской армии, не представляется возможным»*³⁸. Думается, что для такого пессимизма недостаточно оснований.

Точных данных по всему ополчению у нас действительно нет, но и данных о 492 горожанах вполне достаточно для того, чтобы обрисовать общую картину (Таблица 2.).

Таблица 2.
Сводные данные о вооружении посадских сотен в августе 1609 г.

виды и комплекты оружия	кол-во	% к итогу
самопал	208	42,2
копье	234	47,6
бердыш	24	4,9
рогатина	8	1,6
самопал + бердыши	1	0,2
бердыш + топорок	1	0,2
не указано	16	3,3
Итого	492	100

Из Таблицы 2 мы видим, что самым распространённым вариантом вооружения было копье. Им были вооружены 47,7% горожан. Самопал занимает второе место, им были вооружены 42,2% горожан. В отдельных случаях вместо копья встречался бердыш (4,9%), гораздо реже — рогатина (1,6%). О комплексном вооружении у горожан упоминается только в двух случаях: монастырский слобожанин Никанорка Ларинов сын Просол был вооружен бердышом и топорком³⁹ (в качестве отдельного вооружения топорок не упоминается), а некий Офоня из сотни Белянинова явился на смотр даже «...с бердышами (!) да с самопалом»⁴⁰.

В документах у 16 горожан не указано оружия, но безоружность нигде специально не оговаривается, поэтому можно подозревать в ошибке рядового-писаря. Однако среди горожан действительно были такие, кто записался в сотни, не будучи готовым надлежащим образом. Многое здесь зависело от командира отряда. К примеру, сотня Богдана Захаровича Пашкова была образцовой, там оружие было у всех. А вот в другой сотне, у Ждана Минича Прижирина, было больше всего безоружных горожан, в частности, в ней указан: «Данилов дворник Петрыкина, Сенька Блинник, прозвища Козел»⁴¹. Как видим, писарь дал о нем исчерпывающие сведения, включая место работы и прозвище, однако, не указал никакого оружия. Тем не менее, такие безоружные горожане, как Сенька Блинник «Козёл», в смоленском ополчении составляли меньшинство.

Также оружие не указано у одного из сотников — у Анании Белянинова⁴². Возможно, в связи с возрастом или другими причинами он оставил за собой только командирские функции, хотя такой случай был скорее исключением. Остальные сотники — Ленья Кокин, Самуил Малышкин, Богдан Пашков и Ждан Прожирин — служили с самопалами⁴³. Рядовые, пятидесятники и десятники обычно служили с самопалами, иногда — с копьями.

Необходимо признать определенную правоту С.В. Александрова — процентное соотношение огнестрельного оружия действительно зависит от выборки. Если рассмотреть три наиболее хорошо сохранившиеся Воскресенские именные сотни Анании Белянинова, Богдана Пашкова и Ждана Прожирина, то соотношение огнестрельного оружия резко возрастает (Таблица 3).

Таблица 3.
Сводные данные о вооружении посадских людей трёх Воскресенских сотен в августе 1609 г.

<i>виды и комплекты оружия</i>	<i>кол-во</i>	<i>% к итогу</i>
самопал	157	48,9
копье	125	38,9
бердыш	23	7,2
рогатина	5	1,6
самопал + бердыши	1	0,3
Не указано	10	3,1
Итого	321	100

У Воскресенских отрядов самопал был самым распространенным типом вооружения (48,9%), копье было на втором месте (38,9%). Горожане с различными видами холодного оружия (47,7%) даже по совокупности уступали горожанам с самопалами (49,2%), и только вместе с совсем безоружными горожанами составляли большинство. Следовательно, горожане воскресенских сотен были особенно хорошо обеспечены огнестрельным оружием. Гораздо хуже дело обстояло в соседних Вязовеньковских сотнях, во всяком случае — в отряде Леньки Кокина, где было 89 человек с копьями и только 29 — с самопалами. Однако если собрать данные обо всех четырех сотнях получаться те же 42,2% горожан с огнестрельным оружием по общей выборке.

Полные данные о вооружении всех четырех сотен представлены в Таблице 4.

Таблица 4.
Данные о вооружении четырех посадских сотен в августе 1609 г.

виды и комплекты оружия	количество горожан по сотням				общее кол-во горожан	
	Сотня Богдана Пашнова	Сотня Ждана Прожирина	Сотня Анании Белянинова	Сотня Лёни Кокина	кол-во	%
самопал	50	57	50	29	186	42,2
копье	71	51	3	89	214	48,5
бердыш			23		23	5,2
рогатина			5		5	1,1
самопал + бердыш			1		1	0,2
не указано		8	2	2	12	2,7
Итого	121	116	84	120	441	100

Самопалы неслучайно стали единственным видом огнестрельного вооружения у смоленских горожан. Самопалами в те времена называли ручные огнестрельные орудия с замком искровой системы (то есть с колесцовым или кремнево-ударным замком)⁴⁴. Поскольку колесцовый замок был более сложным, дорогим и хрупким⁴⁵, можно с уверенностью говорить, что смоленские горожане использовали ружья с кремнево-ударными замками. По мнению А. И. Тарасюка, уже 1580-е гг. (во время осады Пскова 1581–82 гг.) на Руси начали распространяться самопалы, а «...с начала XVII века количество упоминаний о самопалах в различных документах неуклонно возрастает»⁴⁶. Между прочим, до исследования А. И. Тарасюка самопал по не вполне понятным причинам считался примитивным, фитильным орудием⁴⁷. Возможно, такое мнение сложилось как раз из-за того, что самопал зачастую упоминается как оружие даточных горожан или крестьян. Хотя на самом деле всё было строго наоборот. Ручные орудия с кремнево-ударным замком были сложнее в устройстве, но проще для освоения. Весьма вероятно, что в конце XVI века (в относительно спокойное царствование Федора Ивановича) самопал начал распространяться как раз среди неслуживых людей, в основном среди горожан, которым до этого не было нужды обзаводиться фитильными ружьями. Также возможно, что появление нового термина — «самопал» — отражает тот технический переворот, который произошел между Ливонской войной и Смутным временем. По итогам этого переворота гораздо большее число посадских людей

стали владеть ручным огнестрельным оружием. В результате польско-литовским захватчикам пришлось столкнуться с новой реальностью, в которой хотя бы немного уравнились шансы простых горожан в противостоянии профессиональному войску. К сожалению, этот «огнестрельный переворот» (его можно рассматривать как важный для России этап «огнестрельной революции» XVI–XVII веков)⁴⁸ ещё не успел завершиться, когда началась Смута, поэтому к августу 1609 г. владение самопалами ещё не стало повсеместным. Самые обеспеченные горожане действительно были владельцами самопалов и обладали, надо полагать, определенными навыками обращения с ними. Распространение самопалов среди определенной части посадского населения во многом определило характер противостояния в 1609–1611 гг.

Из Таблицы 4 видно, что каждый именной отряд имел свои особенности. Так, ополченцы в сотне Богдана Пашкова были хуже обеспечены самопалами, чем в других воскресенских сотнях, зато в этой сотне не было случаев безоружности. У Ждана Прожирина с самопалами дело обстояло гораздо лучше, но именно в его сотне было 8 безоружных горожан. У Анании Белянинова ополченцы с самопалами составляли большинство, что было редкостью. Кроме того, из всех четырех сотен, только у Белянинова практиковались такие типы холодного оружия, как бердыши и рогатины. Следовательно, в каждой сотне можно отметить свой внутренний порядок. В одних сотнях более строго следили за всеобщей вооруженностью, в других расширили набор возможных видов оружия. Отвечали за порядок сами сотники — наиболее авторитетные для горожан представители городской общины. Однако не исключено, что и сами горожане в каждой отдельной сотне принимали коллективные решения, определявшие внутренний распорядок. Сотенная система службы была тесно связана с общинным самоуправлением, и ополченцев связывала такая же коллективная ответственность, как при исполнении тягловых повинностей в мирное время.

27 августа (6 сентября) 1609 г. была составлена роспись артиллерии на башнях крепости, на каждую башню были назначены дворянские головы и их помощники из авторитетных посадских людей (но не из сотников)⁴⁹. 28 августа (7 сентября) горожан расписали по башням и стенам крепости⁵⁰. Для этого сотни поделили на менее крупные отряды. Так, уже известная нам сотня Богдана Пашкова была разделена

по четырем, а сотня Беянинова — по двум башням между Молоховскими и Копытецкими воротами⁵¹. Сотня Ждана Прожирина была распределена на Копытецких воротах и следующей за ними башне⁵². Сотня Лёни Кокина одну башню с пряслон занимала полностью, а другую делила с сотней Ивана Шапочника⁵³. В задачи горожан входило помогать пушкарям с переносом орудий, которых не хватало на каждую бойницу («к наряду на подъем и на поворот») и посменно дежурить на пряслах между башнями («и по городу, по стене»).

К примеру, на Молоховские ворота назначили 80 человек из сотни Кондрата Мякшина Сапожника с Пятницкого конца⁵⁴. Шестеро из них должны были помогать пушкарю на «подъём» двупядной пушки «косые грани», а четверо должны были также помогать пушкарю «на подъем» семипядной пушки (обе пушки стояли в нижнем бою, «в воротех»). В среднем бою шесть человек помогали пушкарю у полуторной московской пищали, а четверо были приставлены к затинным пищалям (то есть выполняли самостоятельные артиллерийские задачи у простейших орудий). Ещё шесть человек помогали пушкарю в другом среднем бою. Наконец, в верхнем бою стояли две пищали «Лев Виленский», одну из которых обслуживало четверо, а другую — десять горожан с Пятницкого конца⁵⁵. Всего на Молоховских воротах к артиллерии было приставлено 36 из 80 ополченцев, остальные должны были посменно нести обычную караульную службу «по городу, по стене».

На некоторых других башнях обязанности горожан распределены не так подробно. Так, на Богословской круглой башне был самый крупный отряд горожан — 89 человек Вязовенковской сотни⁵⁶. Сама эта башня занимала выгодное положение над Днепром с широким спектром обстрела и сильно вредила польско-литовскому войску в первый период обороны. Большой отряд горожан требовался именно для переноса артиллерии. Однако в росписи только четверо горожан указаны как затинщики, а девять — как помощники пушкарей и затинщиков (при этом уточняется, что помощники должны и сами быть с пищалями)⁵⁷. Скорее всего, «на подъем» орудий Богословской башни привлекали гораздо больше горожан, но их количество и обязанности не были расписаны так подробно, как на Молоховских воротах. Вообще количество горожан на башнях, вероятно, зависело от количества артиллерии.

Система службы горожан, которая была создана в августе 1609 г., предусматривала в качестве основной задачи защиту крепости, построенной Федором Конем. Именно эта система и действовала на протяжении всей обороны с конца сентября 1609 г. по июнь 1611 г. Однако в первой половине сентября 1609 г. была на какое-то время принята другая система, которая предусматривала защиту не только крепости, но и острога, то есть деревянных укреплений вокруг смоленского посада. Отряд для обороны острога под руководством головы Ивана Битяговского был составлен ещё 28 августа. В него вошли оставшиеся «за осадную росписью» монастырские слобожане, оставленные стрельцы, пушкарские дети и посадские горожане из Дорогобужа — всего 1019 человек⁵⁸. Они должны были нести караул в Крылошевском и Пятницком конце, а также на Заднепровской стороне. Однако затем острожный отряд дополнили ополченцами со стен крепости и добавили второго голову Ивана Жидовинова. Новая система нашла отражение в недатированной расширенной росписи гарнизона по воротам и башням⁵⁹. Согласно новой системе, на каждой крепостной башне должно было оставаться по 10 человек, а остальным ополченцам было указано «...быть в остроге з Григорием Кokoшкином, да с Ываном Жидовиновым»⁶⁰. В результате с Молоховских ворот на оборону острога были отправлены 70 ополченцев из 80-и, с Копытецких — 59 из 69-и и т.д. Как уже было показано, только на Молоховских воротах изначально требовалось 36 человек в помощь пушкарям для переноса орудий. В результате возможности артиллерии и крепостной обороны были сокращены в пользу защиты деревянного города.

13 (23) августа, за три дня до подхода польско-литовского войска, в острожном отряде были «по выбору» поставлены командиры из посадских людей⁶¹. Они должны были «дозирать» смоленских горожан, в то время как дорогобужане и вязмичи оставались под непосредственным управлением дворянских голов. Всего было выбрано десять посадских острожных голов: Осип Кирпичников, Василий Кортышев, Андрей Белянинов, Василий Туренин, уже знакомый нам воскресенский сотник Ждан Прожирин, Степан Огрызков, Василий и Андрей Колоколовы, Андрей Кошкин, Анофрий Барышник. Острожные головы составили небольшой отряд, и должны были «ездити» (видимо, на конях) возле острога и «дозирати», чтобы все горожане «без ослушания» были

«на караулах сполна»⁶². Появление такого мобильного командного пункта, вероятно, связано с тем, что посадское ополчение, рассредоточенное для защиты деревянного города, было сложнее контролировать. В системе обороны каменной крепости такого конного отряда из посадских лидеров предусмотрено не было.

Однако план обороны острога в итоге оказался неудачным. 16 (26) сентября под острог подошли передовые отряды канцлера Льва Сапеги и завязали бой с ополчением, в ходе которого один монах («чернец») и несколько стрельцов были взяты в плен⁶³. На основании только польских данных трудно судить об эффективности боев на окраинах деревянного города. Вскоре стало известно, что с Сапегой пришло не все войско, как полагал воевода Шеин, а только авангард. 19 (29) сентября во время кратких переговоров смоленские горожане выяснили у литовцев, что к городу приближается сам король с большим войском⁶⁴. В тот же день смоляне начали «жечь предместья»⁶⁵. 21 сентября (1 октября) подошло основное королевское войско, и в ту же ночь русские полностью сожгли город и заперлись в крепости⁶⁶. Укрепления на месте острога за Днепром ещё некоторое время сохранялись и были взяты наемным немецким отрядом только в ночь с 5 на 6 октября (по новому стилю) 1609 г.

И русские, и польские источники сообщают, что решение о сожжении острога было принято воеводой Шеиным на совете с горожанами достаточно быстро и под давлением обстоятельств. Так, один из пленников сообщил полякам: «*Мир крестным целованием обязался не жечь города, но воевода, видя, что у короля большое войско, встревожился и сказал народу: „Никаким образом я не могу защищать и крепость и город“. Тогда русские все крикнули „жги, жги“ и подожгли город*»⁶⁷. Похожие сведения приведены в письме в Москву подьячего В.И. Торакана: «*Да грехам моим на посаде двор выжжен, потому что начаелись на острог, чаели в остроге сиденья. И в том все мы целовали крест государю, что в городе и в остроге сидети и с литовскими людьми и с воры битись до смерти и городу и острогу не сдати. Да целовав крест и блюдясь королевского приступу вскоре посады все выжгли сами*»⁶⁸. Из-за скорого решения горожане не успели сберечь имущество, что, конечно же, вызвало недовольство. Другой пленный говорил, что «...народ чуть было не побил камнями воеводу за то, что

такого решения сжег посад»⁶⁹. Однако большинство горожан понимали неизбежность такого решения. Например, один из посадских лидеров, Василий Денисович Колоколов, писал в Москву: «А в Смоленске мы все двор свои пожгли на посаде, потому что нашего изнеможения в остроге не стало стоять, а с королем наряду много, наряд все большой; а людей у нас ратных мало»⁷⁰. Василий Колоколов был одним из десяти острожных голов по указу 13 сентября и сам руководил обороной острога. Он был знаком с обстановкой и понимал, что деревянный город было невозможно удерживать против королевского войска.

Следует отметить, что решение сжечь острог принималось всем посадским миром. Но до этого также всем миром принималось решение о том, чтоб оборонять деревянный город. О коллективном решении горожан упоминают и пленные, чьи показания записаны в королевском дневнике осады, и сами горожане в своих письмах. К тому же, защита острога была выгодна в первую очередь не воеводам, а самим горожанам. Вероятно, именно по плану воеводы Шеина уже 28 августа горожане были расписаны по башням каменной крепости, а затем под влиянием настроения горожан этот план был изменен. Однако после первых столкновений с литовцами ополченцы правильно оценили свои силы и не только поддержали воеводу Шеина, но и сами исполнили общее решение сжечь деревянный город. События, связанные с кратковременной обороной острога и дошедшие до нас глухие споры по поводу его сожжения, свидетельствуют о влиянии городской общины на военное управление Смоленском. После сожжения острога с 1 октября по новому стилю система обороны, вероятнее всего, стала прежней, как было предусмотрено в августовской росписи. Горожане с самопалами и копьями вновь заняли место на стенах и башнях и возле орудий. Судя по всему, на стены было расписано все мужское посадское население, а резервы если и были, то весьма незначительные. Как писал в своем письме В. Д. Колоколов: «А людей у нас ратных мало, и сами вы ведаете, а все люди схожие, и нам вылазка учинити не с кем, потому что мы все по стене расписаны; а нас на выласку боярин не пуцает, что города покинути не на кого, а приходящим людям не доверяем»⁷¹. Под приходящими людьми следует понимать даточных крестьян с уездов. В результате именно на посадских горожан легла задача по обороне стен каменной крепости. Впоследствии

в этой системе произошли изменения. Зимой 1609–1610 гг. часть горожан должны были по очереди ходить на земляные и саперные работы в «слухи»⁷². В конце июля — начале августа 1610 г. неприятельскому войску удалось сделать в стене пролом, перед которым горожане заранее насыпали вал⁷³. Этот пролом, по словам перебежчиков, были назначены защищать «*все лучшие люди*», которые дежурили с самопалами перед насыпным валом и в случае военной опасности выстраивались в три ряда по триста человек⁷⁴. Сложно сказать, кого именно перебежчики имели в виду под «*лучшими людьми*». Скорее всего, сторожить пролом посылали стрельцов, а также тех горожан (крестьян, холопов), кто проявил за время осады свои воинские качества.

Дежурство в «*слухах*» и у пролома повлияло на характер службы горожан, однако, в целом система защиты крепости не менялась с 1609 по 1611 г. От горожан требовалось твердо держать оборону на своем участке, вылазки и активные боевые столкновения не предусматривались. Такая система позволяла организовать длительную оборону преимущественно силами неслужилого городского населения.

ССЫЛКИ

¹ Письма Я. Задзика Л. Гембицкому // Эйльбарт Н. В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. — Новосибирск, 2013. — С. 249.

² Там же.

³ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 614, 646, 667, 672; Письма Я. Задзика... — С. 254, 255.

⁴ Новая Повесть о преславном Российском царстве // Памятники литературы Древней Руси — М., 1987. — Т. XIV: Конец XVI — начало XVII века. — С. 26, 32, 34, 36; Повесть о победах Московского государства. — Л., 1982. — С. 26.

⁵ Мальцев В. П. Борьба за Смоленск в XVI–XVII вв. — Смоленск, 1940. — С. 172–176, 226–227, 230–240, 249–254.

⁶ Александров С. В. Смоленская осада 1609–1611. — М., 2011. — С. 173–178, 189–193.

⁷ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. II. (далее — АИ-2). — М., 1912.

⁸ Акты собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. — СПб., 1836. — Т. II. (далее — ААЭ-2). — С. 132.

⁹ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей российских при Московском университете. Вып. 6: Памятники обороны Смоленска. (1609–1611 гг.) (далее — Памятники обороны Смоленска) — М., 1912. — С. 3.

¹⁰ АИ-2. — С. 162.

- ¹¹ Там же. — С. 161.
- ¹² Там же. — С. 162.
- ¹³ Там же. — С. 177.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск... — С. 172–176, 199–201.
- ¹⁷ ААЭ-2. — С. 132.
- ¹⁸ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск... — С. 144–145, 154–157.
- ¹⁹ АИ-2. — С. 274, 289–290.
- ²⁰ Там же. — С. 290; Повесть о победах Московского государства. — Л., 1982. — С. 10–11.
- ²¹ Повесть о победах... — С. 11–13.
- ²² АИ-2. — С. 319.
- ²³ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск... — С. 250–251.
- ²⁴ Александров С.В. Смоленская осада... — С. 176–178.
- ²⁵ Бовыкин В.В. Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного. Очерки по истории местного самоуправления в XVI веке. — СПб., 2016. — С. 176–177.
- ²⁶ Там же. — С. 228, 334, 349, 362.
- ²⁷ Аракчеев В.А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. — Псков, 2004. — С. 124–131.
- ²⁸ АИ-2. — С. 301–302.
- ²⁹ Там же. — С. 307–311. Дата приведена по старому стилю.
- ³⁰ Там же. — С. 311–312; Памятники обороны Смоленска... — С. 140–147. Дата приведена по старому стилю.
- ³¹ Там же. — С. 158–165. Дата приведена по старому стилю.
- ³² Там же. — С. 151–158.
- ³³ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. — СПб., 1872. — Т. I. — Стб. 444. Дата приведена по старому стилю. По новому стилю острог был сожжен смолянами 1 октября 1609 г.
- ³⁴ Памятники обороны Смоленска... — С. 165.
- ³⁵ Там же. — С. 162–164.
- ³⁶ Там же. — С. 158–165.
- ³⁷ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск... — С. 235.

³⁸ Александров С. В. Смоленская осада 1609–1611. — М., 2011. — С. 170.

³⁹ Памятники обороны Смоленска... — С. 158.

⁴⁰ Там же. — С. 163.

⁴¹ Там же. — С. 161.

⁴² Там же. — С. 162.

⁴³ Там же. — С. 159–160, 163–164.

⁴⁴ Тарасюк Л. И. Из истории русского ручного огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. — 1965. — № 2. — С. 114–117.

⁴⁵ Там же. — С. 109.

⁴⁶ Там же. — С. 106–107.

⁴⁷ Там же. — С. 104–105.

⁴⁸ См: Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. — М., 2010.

⁴⁹ Памятники обороны Смоленска... — С. 140–147.

⁵⁰ АИ-2. — С. 307–311.

⁵¹ Памятники обороны Смоленска... — С. 155–156.

⁵² Там же. — С. 156.

⁵³ Там же.

⁵⁴ АИ-2. — С. 309.

⁵⁵ Памятники обороны Смоленска... — С. 141.

⁵⁶ АИ-2. — С. 310

⁵⁷ Там же. — С. 311.

⁵⁸ Памятники обороны Смоленска... — С. 158.

⁵⁹ Там же. — С. 151–157.

⁶⁰ Там же. — С. 153.

⁶¹ Там же. — С. 165.

⁶² Там же.

⁶³ Поход его королевского величества... — Стб. 440–441.

⁶⁴ Там же. — Стб. 441.

⁶⁵ Там же. — Стб. 441–442.

⁶⁶ Там же. — Стб. 444.

⁶⁷ Там же. — Стб. 449.

⁶⁸ Гейман В. Г. Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска в 1609 г. / Труды отдела древнерусской литературы. — М.–Л., 1958. — Т. XIV. — С. 276.

⁶⁹ Поход его королевского величества... — Стб. 452–453.

⁷⁰ АИ-2. — С. 421.

⁷¹ Там же.

⁷² Подробнее об этом см. Молочников А.М. «У Государева дела, у «слухов»: саперная служба в Смоленске в 1609–1611 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. — Т. V. — С. 23–37 <http://www.milhist.info/2014/05/21/molochnikov_4> (21.05.2014)

⁷³ Поход его королевского величества... — Стб. 637–640.

⁷⁴ Там же. — С. 646–647, 700.